

изгорь
КОН

МУЖЧИНА
В МЕНЯЮЩЕМСЯ
МИРЕ

Игорь Семенович Кон

Мужчина в меняющемся мире

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171116
Мужчина в меняющемся мире: Время; Москва; 2009
ISBN 978-5-9691-0977-3

Аннотация

В настоящее время во всем мире много говорят о кризисе маскулинности и о том, что происходит с мужчинами. Слова о феминизации мужчин, ослаблении отцовства и т. п. буквально не сходят со страниц массовых изданий. Однако зачастую теоретические споры не основываются на тщательном изучении фактов, а судьба России рассматривается так, будто она существует сама по себе, отдельно от остального человечества. В этой книге известный российский социолог И. С. Кон пытается прежде всего корректно сформулировать возникшие проблемы. Что значит кризис маскулинности? Как и почему меняются наши представления о маскулинности? Какие глобальные вызовы стоят перед современными мужчинами, способны ли они с ними справиться и как эти общие проблемы решаются в России? Книга основана на результатах новейших мировых социологических, психологических и антропологических исследований. В ней нет технических деталей, но она рассчитана на вдумчивое чтение и самостоятельное размышление и может быть использована

в качестве пособия по социологии, гендерным исследованиям, социальной антропологии и психологии.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава первая	17
Глава вторая	37
1. Мужское и/или женское	37
2. Половой диморфизм и гендерная стратификация	44
3. Маскулинность и фемининность	62
4. Гендерный порядок как история	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Игорь Кон Мужчина в меняющемся мире

ПРЕДИСЛОВИЕ

Введение в «мужиковедение»

*Высшая цель человечества – ведать свое
назначение.*

*Ровно за десять грошей здесь его можно купить.
Фридрих Шиллер. Объявление книгопродавца*

Предлагаемая вниманию читателя книга – часть одноименного междисциплинарного исследовательского проекта, которым я занимаюсь с 1999 г. Меня интересует, что происходит с мужчинами в мире, в котором они постепенно утрачивают свое былое господство и гегемонию, с какими новыми проблемами они сталкиваются и как они отвечают на вызовы истории.

Первоначально я думал посвятить этой теме одну книгу, но работа над первой же обзорной статьей, главой учебного пособия по гендерным исследованиям (Кон, 2001), показала, что проблем слишком много и к ним нужно подходить с

разных сторон. Следующим этапом работы стала иллюстрированная книга «Мужское тело в истории культуры» (Кон, 2003б), прослеживающая эволюцию мужского телесного канона и способов художественной репрезентации обнаженного мужского тела с древнейших времен до современной массовой культуры.

Затем я несколько лет занимался изучением особенностей развития и социализации мальчиков, главным образом – в контексте психологии развития, которую у нас по инерции называют возрастной психологией (отчасти дело в особенностях русского языка – *developmental psychology* по-русски как-то не звучит). Результаты этой работы в ближайшее время будут представлены в книге «Мальчик – отец мужчины». Я собирался закончить ее раньше, но по ходу работы обнаружил существование целого ряда сложных научно-теоретических и общественно-политических проблем, о масштабе и серьезности которых в России, похоже, мало кто знает. Поэтому я решил не торопиться и сначала разобраться со свойствами взрослых мужчин и женщин и лишь после этого вернуться к особенностям их индивидуального развития.

Наконец, последние четыре года в центре моего внимания был важнейший и, пожалуй, единственный исключительно мужской социальный, точнее биосоциальный, институт – отцовство, изучение которого позволяет, как мне кажется, глубже понять природу, функции и внутреннюю взаимосвязь многих других мужских ролей и идентичностей.

Главные результаты моих исследований и представлены в этой книге. Я не претендую на роль первооткрывателя – о маскулинности и «мужских проблемах» в мире существует огромная специальная литература. Моя задача – синтетически-просветительская. Я подхожу к теме не как теоретик, формулирующий ряд умозрительных и логически последовательных идей, которые, может быть, кто-нибудь когда-нибудь к чему-нибудь приложит, а пытаюсь осмыслить ее через обобщение массы более или менее достоверно установленных, но разрозненных социологических, антропологических, исторических и психологических фактов. Такой подход сегодня крайне непопулярен, люди предпочитают обсуждать не разнородные факты, а методологические принципы. Вообще говоря, я разделяю этот пафос, обсуждать идеи интереснее, чем факты, но без учета эмпирических исследований невозможно отличить научные теории и гипотезы от субъективных мнений.

Мой первый принцип – максимальная *опора на данные специальных наук*. Как специалист по истории и методологии общественных и гуманитарных наук я хорошо знаю слабые стороны научного и, тем более, гуманитарного дискурса, но при всех ограничениях научные факты все-таки более солидны, чем неотрефлексированные и категоричные суждения обыденного сознания, даже если они облечены в философскую форму.

Второй принцип – *меж- или полидисциплинарность*. Ин-

тересующие нас вопросы с разных сторон изучаются и обсуждаются в рамках социологии, антропологии, истории, психологии, гендерных исследований и многих других наук, каждая из которых имеет свой собственный понятийный аппарат и логику исследования. Нередко то, что считается достоверным в одной науке (например, в эволюционной биологии), категорически отвергается в другой (например, в гендерных исследованиях). Чтобы перебросить между ними логические мосты, нужно иметь солидные профессиональные знания в каждой из них, что невозможно. Единственное, что может сделать автор обобщающей книги, – показать эвристическую ценность и одновременно границы того или иного монодисциплинарного подхода. Минимальные методологические требования при этом: а) никогда и ни при каких условиях ничего не утверждать о мужчинах и женщинах «вообще», без учета социально-экономических, этнокультурных и иных средовых параметров, и б) никогда не сводить и не выводить индивидуально-личностные свойства людей из социально-средовых или биологических факторов.

Третий принцип – *всемирно-исторический контекст*. В последние полвека взаимоотношения между мужчинами и женщинами, а следовательно, и их психология существенно изменились и продолжают меняться. Хотя межполовая конкуренция, или, как ее иногда называют, «война полов», существовала всегда, в прошлом ее рамки и возможности были жестко определены культурой, и эти ограничения воспри-

нимались как универсальный биологический закон. Мужчины и женщины должны были «покорять» и «завоевывать» друг друга, используя для этого специфические веками отработанные приемы и методы, но они сравнительно редко конкурировали друг с другом на макросоциальном уровне. Соперником мужчины, как правило, был другой мужчина, а соперницей женщины – другая женщина. Сейчас, впервые в истории человечества, сложилась ситуация, когда мужчины и женщины начали открыто и жестко конкурировать друг с другом не только в семейно-бытовой сфере, где многое зависит от индивидуальных особенностей партнеров, но в самом широком спектре общественных отношений и деятельностей. На первый взгляд, это отвратительно и ужасно. Однако конкуренция – не только соперничество, но и способ кооперации, в результате которой у представителей обоих полов образуются новые социальные качества. Какие именно, как им нужно учиться и как преодолевать возникающие при этом конфликты?

Чтобы корректно ставить эти вопросы, современные процессы нужно изучать прежде всего там, где они возникли раньше и достигли определенной степени зрелости. Как писал Маркс, анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны, а не наоборот. Хотя меня больше всего волнуют отечественные реалии, я обсуждаю не специфически российские, а глобальные, мировые процессы, без учета которых наша локальная жизнь не может быть понята. Одно из самых распростра-

ненных сегодняшних заблуждений – миф о якобы существующем «множестве цивилизаций». В прошлом разные человеческие общества действительно развивались гетерохронно (разновремененно) и в значительной степени автономно друг от друга, однако новое время это изменило. В XX в. возникла глобальная цивилизация, с общей технологией, проблемами и базовыми ценностями. Это касается и гендерного порядка.

Поскольку новые черты взаимоотношений мужчин и женщин возникли, достигли определенной степени зрелости и были осознаны на Западе значительно раньше, чем в России, изучать их надо прежде всего на западном материале и только после этого смотреть, действуют ли те же самые закономерности в России. Если да, в чем их специфика, а если нет – почему и какова альтернатива?

Кроме того – и это прямо вытекает из сказанного выше, – на Западе гораздо больше научных исследований, что, в свою очередь, способствует повышению их качества. Если у вас мало молока, откуда возьмутся сливки? Наличие противоречивых научных данных стимулирует рождение новых гипотез, которые тут же подвергаются эмпирической проверке. Обобщений, основанных на плохих выборках и самодельных методиках, никто всерьез не воспринимает. Следовательно, я должен сначала посмотреть, что сделано «за бугром», а потом сравнивать с этим отечественные данные, если таковые имеются, если же нет – включить творческое вооб-

ражение, по пословице «Голь на выдумки хитра». Впрочем, это может сделать и читатель.

Характер книги определяет ее стилистику. Каждый ученый знает, что истинная ценность исследования заключена в его деталях, но если я буду говорить на языке социологии, меня могут не понять психологи и педагоги, психологический язык непонятен антропологам, а язык гендерных исследований глубоко чужд врачам, сексологам и андрологам. Междисциплинарность ограничивает и возможности полемики с предшественниками и коллегами. Профессиональная полемика – крайне увлекательная вещь, которая нередко волнует собеседников даже больше, чем обсуждаемый предмет. Человек со стороны, не собирающийся навсегда прописаться в этом сообществе, включиться в этот разговор практически не имеет возможности. Междисциплинарная книга так строиться не может, она должна быть популярной. Я опираюсь на труды своих предшественников, отбирая в них то, что мне кажется наиболее плодотворным, но мой главный подразумеваемый собеседник – читатель. Возникнет ли с ним мысленный диалог и захочет ли он проверить предложенные ему мысли, заглянув в указанные в книге источники, мне знать не дано.

Эта книга не является ни учебником, ни энциклопедией, ни популярным изданием типа «Все, что вы хотели знать о мужчинах, но не смели или не умели спросить». Начиная этот проект, я первоначально хотел назвать его введением в

социальную андрологию, науку о мужчинах. Но термин «андрология» уже существует в медицине, причем одни трактуют его как раздел урологии, а другие – как автономную дисциплину о мужском здоровье, своего рода мужской аналог гинекологии и даже шире (гинекологи лечат не все женские болезни, а только те, которые связаны с репродуктивной системой). Я уважаю и комплексный подход, и научную специализацию, но на некоторых больших медицинских конференциях все «мужское здоровье» размещается ниже пояса, и мне становится смешно и грустно.

На мой взгляд, умножение числа «логий» и «гитик» реальному прогрессу научного знания не способствует. Новые проблемы всегда возникают на стыке разных наук, но стоит только cultural studies превратиться в «культурологию», а гендерным исследованиям – в «гендерологию», как реальные содержательные вопросы уступают место схоластическим спорам о предмете, методах и разграничении новой дисциплины от остальных. С точки зрения самоутверждения в бюрократической системе образования, это очень важно: без особой «логии» не будет ни кафедр, ни лекционных курсов, ни денег. Но интеллектуально создание параллельных феминологии («бабоведения») и андрологии («мужиковедения») закрепляет ту самую психологию гендерного гетто, которую современный мир, не признающий «мужской» и «женской» половины ни в доме, ни в обществе, последовательно разрушает.

Логическая структура книги проста.

В первой, вводной, главе «Кризис маскулинности и возникновение „мужского вопроса“» показано, как возникли интересующие нас социальные проблемы, каков их идеологический смысл и какие научные дисциплины их изучают.

Вторая глава, «Товарищ мужчина. Мифы, метафоры и парадигмы», прослеживает древнейшие мифологические истоки оппозиции «мужского» и «женского», соотношение ее природных (половой диморфизм) и социальных (гендерный порядок) факторов, раскрывает содержание понятий маскулинности и фемининности (М – Ф) и смысл соответствующих психологических тестов и описывает наиболее общие, транскультурные противоречия и парадоксы маскулинности.

Третья глава, «Мужчины в постиндустриальном обществе», является социологической, она посвящена изменению социального положения и статуса мужчин в современном обществе, соотношению старых и новых канонов и идеологий маскулинности и тому, как эти исторические вызовы воспринимаются и осмысливаются мужчинами на Западе и в России.

Четвертая глава, «Мужчина в зеркале психологических исследований», основана на психологических данных. В ней на конкретном научном материале прослеживается, как под воздействием описанных выше социальных вызовов изменяются (или не изменяются) присущие (или приписываемые) мужчинам психологические черты и свойства: умственные

способности и направленность интересов, агрессивность, соревновательность и любовь к риску, сексуальность и телесный канон. Завершается эта глава кратким обзором социальных проблем мужского здоровья.

Последняя глава, «Отцовство и отцовские практики», – попытка охарактеризовать историческую динамику и современное состояние самого важного и самого проблематичного мужского института – отцовства. Она открывается вопросами, зачем нужны отцы и что значит «кризис отцовства»; дает краткий очерк антропологии и истории отцовства; прослеживает, как под влиянием гендерной революции изменяются идеология отцовства и конкретные отцовские практики на Западе и в России; какие психологические проблемы возникают в связи с этим у современных отцов (что отец дает детям, что отцовство дает мужчине, и как меняются стили отцовского воспитания) и, наконец, в какой помощи нуждаются отцы.

Чтобы не нарушать сквозную логику изложения, но при этом показать читателю, на каких конкретных фактах основаны те или иные гипотезы, мне показалось удобным выделить отдельные исторические, антропологические или лингвистические экскурсы, подборки статистических данных, описания психологических тестов и т. п. подзаголовками «Интерлюдии» и «Материалы к размышлению».

Последнее замечание – библиографического свойства. Современная научная литература по любому вопросу очень

обширна и быстро обновляется. Поэтому я предпочитаю делать ссылки на авторитетные обзорные труды или недавние исследовательские статьи, в которых заинтересованный читатель найдет дополнительную информацию. Искать новые иностранные книги и журналы в российских библиотеках практически бесполезно, у них ни на что нет денег, но в вашем распоряжении есть Интернет. Наберите интересующий вас вопрос (лучше по-английски) или название нужного журнала, и Google. com покажет вам некоторые ссылки и краткие резюме статей. Правда, за полный текст статьи журнал спросит 20–35 долларов, которых у нас с вами нет. Но если вы наберете в том же Google имя и фамилию автора или точное название статьи, то почти наверняка, хоть и не без труда, узнаете его электронный адрес, после чего останется только попросить его прислать вам свой бесценный труд. В восьми случаях из десяти ответ будет быстрым и положительным (один автор из двадцати, подобно большинству наших соотечественников, на письма не отвечает, некоторые присылают файлы, которые невозможно открыть, а иногда электронные письма, как и обычные, почему-то пропадают). Вероятно, есть более совершенные методы поиска, но я старый человек и их не знаю. Так что не обижайтесь на дружеский совет, вдруг пригодится?

Эта работа была начата в 1999 г. по гранту Фонда Макартуров № 99-57255 («Меняющийся мужчина в изменяющемся мире: Введение в социальную андрологию») и продолжена

по проектам РГНФ № 01-06-00012а («Особенности развития и социализации мальчиков») и № 05-06-06042а («Отцовство: социально-педагогическая перспектива»). Обеим этим организациям, а также Центрально-Европейскому университету в Будапеште, Институту Кеннана и Программе Президиума РАН «Русская культура в мировой истории» я выражаю искреннюю благодарность. Существенную помощь в работе мне оказали также коллеги по Институту этнологии и антропологии РАН, директор Левада-Центра Л. Д. Гудков, социологи Т. А. Гурко, И. Н. Тартаковская и ряд других товарищей.

Игорь Кон

Ноябрь 2007

Глава первая

КРИЗИС МАСКУЛИННОСТИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ «МУЖСКОГО ВОПРОСА»

«Человек рода он», как определил мужчину Даль, встречает XXI век с белым флагом капитуляции в руках. Это напоминает размахивание кальсонами.

Ликуй, феминистка! На Западе женское движение, приобретая уставные формы идеологии, разрушило половую «империю зла». Прощай, главенствующий статус! Цивилизованный мужчина отступил по всем направлениям...

Виктор Ерофеев

Начиная с 1970-х годов на Западе, а затем и в России стали говорить и писать о том, что традиционный мужской стиль жизни, а возможно, и сами психические свойства мужчин не соответствуют современным социальным условиям, что мужчины сдают свои главенствующие позиции или что им приходится платить за них слишком высокую цену. Этот синдром получил название «кризиса маскулинности».

Причины и возможные пути его преодоления трактуются по-разному и даже противоположно. Одни авторы видят проблему в том, что мужчины как социальная группа от-

стают от требований времени: их установки, групповое самосознание и представления о том, каким может и должен быть «настоящий мужчина», не отвечают изменившимся социальным условиям и подлежат радикальному изменению и перестройке. Чтобы спасти себя, мужчины должны смотреть и двигаться вперед. Другие, наоборот, видят в социальных процессах, расшатывающих привычную мужскую гегемонию, угрозу вековым «естественным» устоям цивилизации как таковой и призывают мужчин как традиционных защитников стабильности и порядка положить конец деградации и вернуть общество назад, в спокойное и надежное прошлое.

Сами по себе эти споры не уникальны и не новы. Поскольку мужчины на протяжении веков были господствующей силой общества, по крайней мере его публичной сферы, нормативный канон маскулинности и образ «настоящего мужчины», как и все прочие высшие ценности, такие как «настоящая дружба» и «вечная любовь», всегда идеализировались и проецировались в прошлое. Философы классической Греции восхищались мужеством героев гомеровской эпохи. Римляне времен Империи скорбели об утрате мужских добродетелей республиканского Рима. Англичане эпохи Реставрации и французы периода Регентства сетовали на упадок мужской доблести, свойственной средневековым рыцарям, а немцы начала XX века умилялись средневековым мужским союзам и мужской дружбе эпохи романтизма.

В периоды быстрых исторических перемен, когда прежние формы отношений власти становятся неадекватными, ностальгические чувства обостряются, побуждая идеологов писать о феминизации мужчин и об исчезновении «настоящей мужественности». Современные разговоры о кризисе маскулинности также имеют идеологическую природу, отражая растущую озабоченность и неудовлетворенность мужчин и женщин существующим порядком своих взаимоотношений. Если в XIX в. в европейском общественном сознании появился так называемый женский вопрос, то в последней трети XX в. стало возможным говорить о возникновении «мужского вопроса».

На первый взгляд, проблематизация мужского статуса связана прежде всего с рождением феминизма. Появление организованного и идеологически оформленного женского освободительного движения воспринимается мужчинами то как угроза, то как интеллектуальный вызов, то как пример для подражания, активизируя желание защищать собственные групповые интересы. Но каковы эти интересы и от кого их нужно защищать? Состоит ли проблема в том, что женщины «незаконно» присваивают традиционные мужские социальные привилегии? Или в том, что женщины становятся похожими на мужчин и начинают успешно конкурировать с ними? Или в том, что сами мужчины потеряли или боятся потерять какие-то ценные качества? Или мужчинам стало тесно и неудобно в привычной исторической коже? Фор-

мулировка вопроса во многом предопределяет и возможные варианты ответа.

Мужские движения в США. Исторический экскурс

По словам американского социолога Майкла Месснера (Messner, 1997), существует три специфических фактора мужской общественной жизни.

Во-первых, мужчины как группа пользуются институциональными привилегиями за счет женщин как группы.

Во-вторых, за узкие определения маскулинности, обещающие им высокий статус и привилегии, мужчины расплачиваются поверхностными межличностными отношениями, плохим здоровьем и преждевременной смертью.

В-третьих, неравенство в распределении плодов патриархата затрагивает не только женщин, но и мужчин: властная, гегемонная маскулинность белых гетеросексуальных мужчин среднего и высшего класса конструируется в противовес не только женщинам, но и подчиненным (расовым, сексуальным и классовым) категориям мужчин.

Осознание взаимосвязи этих факторов пришло не сразу. Первое «Мужское освободительное движение» (The Men's Liberation) зародилось в США в 1970 г. в русле либеральной идеологии. Его организационным центром в 1970—80-х годах была «Национальная организация меняющихся муж-

чин», которую в 1991 г. сменила «Национальная организация мужчин против сексизма» (The National Organization for Men Against Sexism – NOMAS).

Первоисточником всех мужских проблем и трудностей идеологи этого течения считали ограниченность мужской половой роли и соответствующей ей психологии, доказывая, что от сексистских стереотипов страдают не только женщины, но и сами мужчины. «Мужское освобождение стремится помочь разрушить полоролевые стереотипы, рассматривающие „мужское бытие“ и „женское бытие“ как статусы, которые должны быть достигнуты с помощью соответствующего поведения... Мужчины не могут ни свободно играть, ни свободно плакать, ни быть нежными, ни проявлять слабость, потому что эти свойства „фемининные“, а не „маскулинные“. Более полное понятие о человеке признает всех мужчин и женщин потенциально сильными и слабыми, активными и пассивными, эти человеческие свойства не принадлежат исключительно одному полу», – писал в 1970 г. Джек Сойер (цит. по: Messner, 1997. P. 36).

Авторы мужских бестселлеров 1970-х годов Уоррен Фаррелл, Марк Фейген Фасто, Роберт Брэннон и другие доказывали, что для устранения мужских трудностей нужно прежде всего изменить социализацию мальчиков, образно говоря – позволить мальчикам плакать. Поскольку большинство этих людей были психологами и выходцами из среднего класса, социальная структура и связанное с ней гендерное нера-

венство и особенно неравенство положения разных категорий мужчин до поры до времени оставались в тени, а призывы к «изменению маскулинности» сводились к доказыванию необходимости более широкого выбора стилей жизни, расширения круга социально приемлемых эмоциональных проявлений и возможностей большей самоактуализация для мужчин. Исключением был социальный психолог Джозеф Плек, который связывал мужские психологические качества с борьбой за власть и ее удержание.

Акцент на индивидуальные качества, а не на социальную стратификацию и гендерный порядок означал отрицание или недооценку реальных мужских привилегий и сведение всей проблемы к такому воспитанию, которое позволило бы мужчинам гармоничнее сочетать инструментальные и экспрессивные роли, различие которых убедительно описал и продемонстрировал американский социолог Толкотт Парсонс. Тем не менее это было демократическое движение. В официальной декларации NOMAS (1991) подчеркивается, что «мужчины могут жить более счастливой и полноценной жизнью, бросив вызов старомодным правилам маскулинности, предполагающим принцип мужского верховенства». Три главных принципа организации – положительное отношение к мужчинам, поддержка феминистского движения и защита прав геев. «Традиционная маскулинность включает много положительных черт, которыми мы гордимся и в которых черпаем силу, но она содержит также каче-

ства, которые ограничивают нас и причиняют нам вред. Мы всячески поддерживаем мужчин, борющихся с проблемами традиционной маскулинности. Как организация для меняющихся мужчин, мы заботимся о мужчинах и особенно озабочены мужскими проблемами, а также трудными вопросами, с которыми сталкивается большинство мужчин» (NOMAS, 1991).

Социальное освобождение и самоизменение мужчин возможны только совместно с женщинами. Гендерная стратификация – это система мужского верховенства, когда мужчины как группа угнетают женщин; изнасилование и другие формы сексуального насилия – лишь крайние формы выражения этого угнетения. Речь идет не просто о защите мужчин, а о борьбе против социального неравенства и гендерных привилегий во всех сферах жизни, включая сексуальность. Это движение тесно связано с феминизмом, его идеологи и активисты называют себя феминистами или профеминистами. Ключевыми фигурами и ведущими теоретиками этого течения стали известные социологи Майкл Киммел (США) и Рейвин Коннелл (Raewyn Connell) (Австралия).¹

Особую разновидность его, скорее интеллектуальную, чем политическую, образует социалистический мужской феминизм, находящийся под сильным влиянием марксистско-

¹ Коннелл – трансгендерная женщина, которая много лет жила как мужчина под именем Роберт (сокращенно – Боб). Когда я познакомился с ним в Гарварде в 1991 г., ничего женственного в нем не было. Позже, овдовев, Коннелл сменила свой гендерный статус и имя, так что теперь о ней нужно писать в женском роде.

го структурализма. В отличие от либерального мужского феминизма, концентрирующего внимание преимущественно на психологических и, особенно, психосексуальных трудностях мужского бытия, эта группа придает больше значения классовому неравенству, политическим институтам и отношениям власти.

Однако политика, пафос которой направлен на отмену привилегированного положения мужчин, не может мобилизовать под свои знамена широкие мужские массы. Хотя идеи «мужского освобождения» получили довольно широкое распространение в США, Англии и, особенно, в Австралии, серьезной политической силой это движение не стало. Организаций такого типа много, но они малочисленны, представлены в них преимущественно мужчины среднего класса с университетским образованием и леволиберальными взглядами. По своему характеру это, как правило, «мягкие» мужчины, чей телесный и психический облик порой не совсем отвечает стереотипному образу «настоящего мужчины» – сильного и агрессивного мачо. Мнение, что среди них преобладают геи, не соответствует истине, но интерес к мужским проблемам часто стимулируется личными трудностями (отсутствие отца, непопулярность среди мальчиков в классе, неудачный брак, трудности отцовства и т. п.). Для некоторых из этих мужчин общественно-политическая деятельность психологически компенсаторна. Среди «обычных» мужчин интерес к проблемам маскулинности не высок.

Хотя во многих университетах США уже давно преподается курс «Мужчины и маскулинность», который, казалось бы, должен интересовать юношей, 80–90 % его слушателей – женщины, а среди мужчин преобладают представители этнических и/или сексуальных меньшинств. Дело не в том, что «обычные» молодые мужчины не имеют проблем (книги на эти темы отлично раскупаются), а в том, что они стесняются признаться в этом. Впрочем, в последние годы положение стало меняться.

Значительно более массовыми стали консервативно-охранительные движения, направленные на сохранение и возрождение ускользающих мужских привилегий. В противоположность либералам и феминистам, идеологи американского «Движения за права мужчин» (The Men's Rights Movement) Уоррен Фаррелл, Херб Голдберг и другие видят главную опасность для мужчин в феминизме и растущем влиянии женщин. Фаррелл сначала был одним из самых рьяных защитников «мужского освобождения», но затем резко изменил позицию. По его мнению, «сексизм» и «мужское господство» – это мифы, придуманные агрессивными женщинами в целях унижения и дискриминации мужчин. Никакой «мужской власти» в США, да и нигде в мире, не существует. «Иметь власть – не значит зарабатывать деньги, чтобы их тратил кто-то другой, и раньше умереть, чтобы другие получили от этого выгоду» (цит. по: Kimmel, 1996. P. 303). И на работе, и в семье современные мужчины

угнетены больше, чем женщины, которым всюду даются преимущества. Под видом борьбы против сексуальных домогательств и насилия женщины блокируют мужскую сексуальность, в семье американские мужчины бессильны, при разводе отцы теряют право на собственных детей и т. д. Спасти мужчин может только организованная самозащита, чем и занимаются многочисленные союзы и ассоциации: «Коалиция свободных мужчин», «Национальный конгресс мужчин», «Мужские права» и т. п. Особенно популярна среди мужчин идея защиты прав отцов вообще и одиноких отцов в особенности.

В обосновании и возрождении идеи сильной маскулинности важную роль играет протестантский фундаментализм. Еще в начале XX в. в США и Англии получила распространение идеология так называемого «мускулистого христианства», стремящаяся спасти заблудшие мужские души от губительной для них «феминизации» и изображающая Христа не мягким и нежным, а сильным и мускулистым. На волне неоконсерватизма 1980-х годов эта идеология получила новые стимулы.

Возникшее в начале 1990-х годов по инициативе бывшего футбольного тренера Колорадского университета Билла Мак-Картни движение «Верных слову» (Promise Keepers) воинственно выступает против «феминизации» и «гомосексуализации» общества. Мужскую агрессивность, которую либеральные теоретики хотели бы искоренить, «Верные сло-

ву» считают естественной и неизбежной – все дело в том, как и куда ее направить. Хотя в их идеологии нет явного женоненавистничества, они утверждают, что коль скоро именно мужчина создан по образу и подобию Бога, он тем самым раз и навсегда поставлен выше женщины. Принцип женского равноправия подрывает традиционные семейные ценности и дезорганизует общество. Мужчина всюду и везде должен быть главой, ведущим, его сущность и призвание – быть ответственным лидером.

Сторонники этого движения осуждают пьянство, наркоманию и сексуальное насилие, призывают мужчин «вернуться домой», быть верными мужьями, способными работниками, надежными кормильцами, заботливыми отцами и «христианскими джентльменами»: «Держи свое слово, данное жене и детям, будь человеком слова!» Защитой семейных ценностей это консервативное движение привлекает к себе симпатии не только мужчин, но и многих женщин. В его первом митинге в 1990 г участвовали лишь 72 человека, а в 1995 г. его приверженцами считали себя уже свыше 600 тысяч мужчин в тринадцати городах США! Однако главный лозунг движения – полный назад! – совершенно утопичен. Уже в конце 1990-х годов число его сторонников резко уменьшилось.

Политико-идеологические позиции некоторых мужских движений крайне неоднозначны, их не всегда можно разделить на «правых» и «левых». Особенно сложно в этом пла-

не зародившееся в 1980-х годах так называемое мифопоэтическое движение. Оно началось с того, что многие, преимущественно белые, гетеросексуальные и хорошо образованные американцы среднего класса стали посещать собрания и лекции, где обсуждались мужские проблемы. Эти собрания и митинги позволяли мужчинам общаться друг с другом и имели психотерапевтическую ценность, давая людям возможность выговориться, преодолеть привычную скованность и обменяться опытом по преодолению типичных мужских трудностей.

Своеобразным манифестом этих мужчин стала разошедшаяся огромным тиражом (свыше 500 тысяч экземпляров, в твердом переплете) книга поэта Роберта Блая «Железный Джон» (Bly, 1990). По мнению Блая, главная задача современности – направить мужчин на путь духовного поиска, чтобы помочь им восстановить утерянные базовые мужские ценности. Во всех древних обществах существовали особые ритуалы и инициации, посредством которых взрослые мужчины помогали мальчикам-подросткам утвердиться в их глубинной, естественной маскулинности. Городское индустриальное общество разорвало связи между разными поколениями мужчин, заменив их отчужденными, соревновательными, бюрократическими отношениями, и тем самым оторвало мужчин друг от друга и от их собственной мужской сущности. (Сходные идеи развивали некоторые немецкие мыслители в начале XX в., а романтики – в начале XIX в.). Ме-

сто здоровых мужских ритуалов занимает, с одной стороны, разрушительная, агрессивная гипермаскулинность уличных банд, а с другой – размягчающая и убивающая мужской потенциал женственность.

Блай и его последователи красочно описывают эмоциональную бедность и ущербность современных мужских взаимоотношений, будь то отношения сыновей с отцами или отношения между мужчинами на работе и в быту, и мечтают восстановить традиции древнего мужского братства и межпоколенного наставничества. Хотя многие из этих людей политически отнюдь не реакционны, для них характерны иррационализм и антиинтеллектуализм, а их положительный идеал «нового мужчины» весьма расплывчат. Говоря о реально существующих и всем знакомых вещах, мифопоэтическая идеология обладает большой эмоциональной притягательностью. Однако она произвольно истолковывает данные мифологии и антропологии, не видит конкретных социальных причин описываемых ею процессов, рассуждает о мужчинах вообще, как о едином типе, и абсолютизирует различия между мужчинами и женщинами. Ее главная философская база – учение К. Г. Юнга, в частности – разграничение мужского духа (анимус) и женской души (анима).

При всех своих различиях мужские движения не представляют реальной и организованной политической силы. В спорах о кризисе маскулинности больше эмоций и идеологии, чем спокойной рефлексии. Социально активные муж-

чины находят другие каналы самореализации, а остальным эти вопросы безразличны, тем более что прикладные аспекты темы – мужское здоровье, сексуальность, педагогика отцовства и т. п. – широко (и более конкретно) освещаются в политически не ангажированных коммерческих изданиях и средствах массовой информации.

Несмотря на свою политическую неэффективность, мужские движения способствовали вычленению целого ряда специфических мужских проблем и уточнению категориального аппарата так называемых мужских исследований или исследований мужчин – *men's studies*. До середины 1980-х годов «мужским проблемам» посвящались преимущественно популярные книги и исследования медико-биологического характера. Затем количество публикаций стало расти в геометрической прогрессии, захватывая все новые темы и отрасли знания. Появились многочисленные серийные публикации, а некоторые хрестоматии, например составленная Майклом Киммелом и Майклом Месснером антология «Мужские жизни» (*Men's Lives*), стали международными бестселлерами.

Наиболее полная библиография литературы о мужчинах и маскулинности, составленная и регулярно обновляемая (16-е издание вышло в 2007 г.) Майклом Флудом (*Flood, 2007*) (Австралия), состоит из 37 разделов, включая такие сюжеты, как мужские исследования; взросление; отцовство и от-

ношения в семье; развод и забота о детях; интимность; сексуальность; гомосексуальность и гомофобия; мужские движения, группы и услуги; дружба между мужчинами; социальная работа с мальчиками; социальная работа с мужчинами; труд и классовые отношения; раса и этничность; старение; спорт и досуг; мужское здоровье; мужское тело; репродуктивные проблемы и технологии; ВИЧ/СПИД; порнография; насилие и способы его предотвращения; мужчины и феминизм; мужчины в политике; мужские права; маскулинности и их репрезентации в культуре; мужской язык; мужской юмор; мужчины в тюрьмах, криминальной среде и перед лицом закона; история маскулинностей; теоретико-методологические проблемы мужских исследований и т. п. Последнее издание библиографии насчитывает около 17 300 книг и статей, а в 1998 г. в ней было только 3 000 названий. В 2008 г. Дидерик Янсен опубликовал новую международную библиографию по маскулинности «International guide to literature on Masculinity».

Возникают многочисленные исследовательские группы и центры. Например, Американская Ассоциация по изучению мужчин (The American Men's Studies Association – AMSA) объединяет мужчин и женщин, занятых преподаванием, исследованиями и клинической практикой в сфере мужских исследований и работы с мужчинами. Ее цель – путем изучения мужских жизненных опытов как «социо-историко-культурных конструкторов» «способствовать критическому обсуж-

дению вопросов, касающихся мужчин и маскулинностей и распространять знания о мужских жизнях среди широкой публики». В рамках Американской психологической ассоциации на правах ее отделения с 1997 г. функционирует Общество психологических исследований мужчин и маскулинности (The Society for the Psychological Study of Men and Masculinity – SPSMM). Специализированные группы и центры существуют практически во всех западных странах, особенно много их в Великобритании и Австралии. Проводится огромное количество международных симпозиумов и конференций. Мужская проблематика заняла важное место в социальной истории, истории семьи, школы и образования. С 1989 г. выходит научный журнал «Gender and History».

Как грибы, растут специальные журналы о мужчинах и для мужчин. Первоначально это были преимущественно популярные издания вроде австралийских «XY: Men, sex, politics» (с 1990 г.), «Certified Male» (с 1995) и «Journal of Interdisciplinary Gender Studies» (с 1996 г.) и британских «Achilles Heel» и «Working With Men». Затем появились солидные международные междисциплинарные научные журналы: «Journal of Men's Studies» (с 1992 г.); «Men and Masculinities» (с 1999 г., главный редактор Майкл Киммел, я имею честь состоять в его редколлегии); «Psychology of Men and Masculinity» (с 2000 г., орган SPSMM), «international Journal of Men's Health» (с 2002 г.). «Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers» (с

2003 г.). Эти издания содержат массу научной информации о разных сторонах и аспектах мужского бытия. Не обходят их молчанием и остальные научные журналы. Исследовать и обсуждать мужские проблемы стало модно во всех общественно-научных, гуманитарных, психологических и медико-биологических дисциплинах. Выходят солидные междисциплинарные справочники, такие как «Энциклопедия мужчин и маскулинностей» (Encyclopedia of Men and Masculinities, 2007) и «Энциклопедия пола и гендера: мужчины и женщины в культурах мира» (Encyclopedia of Sex and Gender, 2004).

Выстроить из этого сколько-нибудь стройную систему «мужиковедения» невозможно. Даже соотношение терминов «мужская жизнь» и «маскулинность» (оба понятия чаще употребляются во множественном числе) остается спорным. Под «мужскими исследованиями» обычно понимают предметную область знания, охватывающую все то, что касается мужчин, включая биологию мужского тела, мужское здоровье и т. п. Это мужской аналог ранее сложившихся «женских исследований» (women studies) или раздел гендерных исследований, предметом которых являются как мужчины, так и женщины. Напротив, маскулинность чаще трактуется как социальная идентичность, существующая в конкретном социуме и изменяющаяся вместе с ним. Соответственно дифференцировалась и научная терминология, причем в разных областях знания это происходило по-разному.

Следует подчеркнуть, что среди исследователей мужской

проблематики очень много женщин, особенно феминисток. Это не удивительно. Женщины как матери, жены и любовницы всегда живо интересовались мужчинами, но не смели о них публично судить. С отменой идеологических запретов и вовлечением женщин в науки о человеке положение изменилось. Вопреки распространенным представлениям, интерес феминисток к мужчинам большей частью дружественный. Мужчина для них не столько угнетатель, сколько «Другой», знакомство с которым помогает женщине лучше понять ее собственную сущность. Очень многие мужские проблемы, о которых сами мужчины говорить стеснялись, впервые поставлены именно женщинами. Без женского вклада вся сфера мужских исследований практически не существует.

Как всегда с опозданием, мужские исследования появились и в России, прежде всего в рамках гендерных исследований. Когда в 1999 г. я начинал свой проект, отечественных публикаций на эти темы почти не было. Первая русская книга по этим проблемам, состоявшая из 37 мозаичных текстов на тонкой грани прозы и эссеистики, – «Мужчины» Виктора Ерофеева вышла в 1997 г. и, кажется, вызвала больший интерес на Западе, чем в России. Мне о ней впервые рассказали в Будапеште, а в Москве я потом долго не мог ее купить. Теперь по мужским проблемам регулярно проводятся междисциплинарные конференции, печатаются статьи в научных журналах, издаются тематические сборники, важнейшим из которых нужно признать составленный Сергеем

Ушакиным сборник статей «О муже(ст)венности» (2002). Институт этнологии и антропологии РАН регулярно выпускает содержательные «Мужские сборники» (первый вышел в 2001-м, третий – в 2006 г.), в которых особенно выделяются работы Игоря Морозова и Дмитрия Громова. Теории маскулинности и месту мужчин в российском гендерном порядке посвящены превосходные исследования Елены Здравомысловой, Анны Темкиной, Елены Мещеркиной, Ирины Тартаковской, Жанны Черновой и других. Начались исследования психологии маскулинности (Ирина Клецина), особенностей формирования маскулинности в провинциальной молодежной среде (Елена Омельченко, Ольга Шнырова и др.) и т. д. Проблемам маскулинности, преимущественно в психоаналитическом ключе, посвящен № 14 харьковского журнала «Гендерные исследования».

Интерес к мужской проблематике постепенно проникает также в психологию и медицину. «Журнал практического психолога» целиком посвятил свой первый номер за 2007 г. психологии отцовства (Борисенко, 2007). Минздрав России с 2002 г. под эгидой Института урологии РАМН каждые два года проводит многопрофильные конференции по проблемам мужского здоровья. Несмотря на сопротивление ряда влиятельных урологов, успешно развивается Профессиональная ассоциация андрологов России (ПААР) (см. www.andronet.ru), имеющая тесные связи с Международным обществом сексуальной медицины (International Society

for Sexual Medicine – ISSM). Третий Конгресс ПААР (апрель 2007 г.) даже удостоился официальных приветствий председателя Государственной думы, мэра Москвы и других высоких чиновников. Некоторое оживление наметилось и в российской педагогике, которая многие годы была абсолютно бесполой и упорно не желала видеть того, что дети делятся на девочек и мальчиков, между которыми есть не совсем понятные, но существенные различия; правда, теперь, в порядке гиперкомпенсации, отечественная педагогика становится все более сексистской.

Короче говоря, мужчины стали не только субъектом, но и объектом научных исследований. Что же мы о себе узнали?

Глава вторая

ТОВАРИЩ МУЖЧИНА. МИФЫ, МЕТАФОРЫ И ПАРАДИГМЫ

1. Мужское и/или женское

Каждый знает, что природа боится пустоты. Но есть одна вещь, которой природа боится даже больше, чем пустоты. Это – логическая дихотомия. Тем не менее, когда люди говорят и пытаются думать, они автоматически мыслят такими дихотомиями, как горячее и холодное, день и ночь, черное и белое, мужчина и женщина, бог и дьявол, рай и ад и особенно – врожденное и выученное, или наследственность и среда.
Гарри Харлоу и Клара Мирс

Вопрос, чем и насколько мужчины отличаются от женщин, всегда волновал людей. Любая древняя мифология вращается вокруг идеи противоположности и одновременно – единства, взаимопроникновения мужского и женского начал, причем мужчина чаще изображается носителем активного, социально-творческого начала, а женщина – как пассивно-природная сила.

Например, в древнекитайской мифологии женское нача-

ло «Инь» и мужское «ян» трактуются как полярные космические силы, взаимодействие которых делает возможным бесконечное существование Вселенной. Слово «Инь», которое обычно называется первым, символизирует тьму, холод, влажность, мягкость, пассивность, податливость, а «ян» – свет, сухость, твердость, активность и т. д. Соединение мужчины с женщиной напоминает космический брак Неба с Землей во время грозы. В большинстве мифологий луна, земля и вода трактуются как женское начало, а солнце, огонь и тепло – как мужское и т. д.

Противопоставление мужского и женского – одна из длинной серии так называемых бинарных (парных) оппозиций, с помощью которых архаическое сознание пыталось упорядочить свой жизненный мир: счастье – несчастье, жизнь – смерть, чет – нечет, правое – левое, верх – низ, небо – земля, день – ночь, солнце – луна, светлое – темное, огонь – влага, земля – вода, свое – чужое, старшее – младшее и др. О символическом значении «правого» и «левого», напоминающем о билатеральности, асимметрии мозга, существует огромная специальная литература, начиная с классического очерка Р. Гертца и кончая трудами К. Леви-Стросса, Р. Нидхэма (Needham, 1973), Вяч. Вс. Иванова (Иванов, 1978) и В. Н. Топорова. Наиболее общие, типичные пары оппозиций, сопутствующих латеральному символизму, приводятся в таблице.

Свойства, ассоциирующиеся с латеральным символизмом

Правое	Левое
Мужчина, самец	Женщина, самка
Старшее, высшее	Младшее, низшее
Хорошее	Плохое
Нравственное	Безнравственное,
Предусмотрительное	непредусмотрительное
Сильное, важное	Слабое, не важное
День, свет, солнце	Ночь, тьма, луна
Сверху, впереди	Снизу, сзади
Поселение, дом	Лес, чаща
Домашнее, вареное	Дикое, сырое
Земледелец	Охотник
Жизнь, здоровье, богатство	Смерть, болезнь, бедность
Восток	Запад
Юг	Север

Источник: Needham R. Right and Left. Chicago, 1973.

Однако наряду с принципом противоположности мужского и женского в мифологическом сознании широко представлена идея андрогинии, двуполости, совмещения мужского и женского начал в одном лице. Двуполоыми были многие божества. В древнегреческом пантеоне это сын Гермеса и Афродиты – Гермафродит, в древнеиндийском – Адити, корова-бык, мать и отец других богов, в древнеегипетском – Ра, совокупившийся сам с собой («упало семя в мой соб-

ственный рот»). Андрогинные божества нередко изображались с двойным набором половых признаков (Шива в Индии, бородатая Афродита). Во многих мифологиях двуполовыми считались предки первых людей, этим подчеркивались их единство и цельность.

Согласно древнекитайской мифологии, всякое человеческое тело содержит в себе и мужское, и женское начало, хотя в женщине больше «Инь», а в мужчине – «ян». На разделении органов по этому принципу покоится вся китайская народная медицина. Необходимость гармонического сочетания мужского и женского начал в одном лице отстаивает тантризм.

Каково бы ни было их происхождение, бинарные оппозиции оказывают огромное воздействие на все наши логические операции, связанные с классификацией и категоризацией явлений.

Согласно психолингвистической теории Элизабет Рош (Rosch, 1977), существует два принципиально разных типа категоризации. В первом случае фиксируется *качественное* различие явлений в форме максимально ясных, внутренне последовательных *прототипов*, предельных случаев, выражающих сущность данного явления, очищенного от всяких непоследовательностей, противоречий и т. п. Во втором случае устанавливаются *количественные* градации, объекты различаются по *степени* выраженности, типичности, характерности для них того или иного качества.

Категоризация начинается с того, что понятия и обозначаемые ими явления представляются взаимоисключающими, дискретными: «добро *или* зло», «день *или* ночь», «мужское *или* женское». В дальнейшем жесткая дихотомизация становится недостаточной и бинарная оппозиция приобретает характер *континуума*, где крайние случаи постепенно переходят друг в друга, превращаясь из стереотипов, под которые явления подгоняются механически, в прототипы («идеально черное тело», «идеальная женщина»), которые в чистом виде никогда не встречаются, но позволяют классифицировать свойства явлений по какому-то определенному признаку. А когда выясняется, что любой объект можно категоризировать не по одному, а по множеству разных континуумов, мир из плоскостного и черно-белого становится многомерным, объемным и многоцветным.

Применительно к нашей теме это значит, что «мужское» и «женское» сначала выглядят абсолютными противоположностями, затем превращаются в полюсы континуума «муже-женственности» (на современном научном языке – «маскулинности/фемининности») и, наконец, становятся автономными свойствами, формирование или проявление которых зависит от целого ряда обстоятельств и условий, из данной категоризации не вытекающих.

Очень важно также иметь в виду, что все бинарные оппозиции содержат в себе момент оценки, последовательно распределяясь на положительные и отрицательные. Чарлз Ос-

гуд (Osgood, 1979), изучивший под этим углом зрения носителей 12 разных языков, нашел, что человеческое сознание отличается не просто биполярностью (значения слов дифференцируются в терминах полярных оппозиций), но и тем, что один из полюсов оценивается как положительный, а другой – как отрицательный, причем положительные характеристики соединяются с положительными, а отрицательные – с отрицательными.

Это относится и к понятиям мужского и женского (Валенцова, 2004).

Метафоры мужского и женского у разных народов различаются как по степени своей разработанности и значимости, так и по содержанию. Например, в русских летописях важнейшие мужские и женские свойства поляризованы, но при этом все мужское оценивается положительно (Маслова, 2001). «Мужской ум» – сильный, логичный. Слово «мужеумный» стоит в одном ряду с терпеливостью, храбростью, непобедимостью. Напротив, женский ум – нелогичен, слаб. Наделение женщины мужскими чертами возвышает ее, а мужчину женские черты унижают. Если женщина обладает «мужским сердцем», это хорошо, тогда как мужчина с женским сердцем – слабак, трус. Трусливые воеводы именуются «скопцами с женским сердцем». Короче говоря, все хорошее в женщине происходит от мужчины, а все плохое в мужчине происходит от женщины.

Это накладывает отпечаток не только на мифологию и

обыденное, повседневное сознание, но и на науку. Понятие мужественности (маскулинности) является не только и не столько описательным (дескриптивным), подразумевая совокупность черт, предположительно отличающих мужчин от женщин, сколько предписательно-нормативным, подразумевая систему представлений о том, каким должен быть «настоящий мужчина». Эти канонические предписания во многом определяют и наше восприятие фактов: мы воспринимаем то, что ожидаем увидеть, и группируем явления в соответствии с их культурным значением.

2. Половой диморфизм и гендерная стратификация

Курс слов, как и курс денег, подвержен постоянным переменам.

Гилберт Адэр

Сравнение мужских и женских черт начинается с их противопоставления, причем эти различия обычно представляются «естественными» и универсальными. На самом деле, соотношение биологических и социальных факторов дифференциации мужского и женского значительно сложнее. Современная наука рассматривает их с двух противоположных и взаимодополнительных точек зрения: полового диморфизма и общественного разделения труда между мужчинами и женщинами.

Половой диморфизм (от греч. *di*– вдвое, дважды, и *morphé* – форма) констатирует наличие устойчивых кросскультурных (то есть присущих разным человеческим культурам и обществам) и кроссвидовых (то есть присущих разным биологическим видам) особенностей поведения и устройства мужских и женских организмов, объясняя их в свете теории эволюции и естественного отбора. Эволюционная биология и основанная на ней эволюционная психология объясняют происхождение и механизмы полового диморфизма и име-

ют хорошее эмпирическое подтверждение не только в биологии, но и в антропологии и сексологии. В дальнейшем нам не раз придется к ним обращаться. Эти дисциплины фиксируют, прежде всего, то, что существенно для репродуктивного поведения, продолжения рода.

В этой сфере жизни больше всего биологических, транскультурных и кроссвидовых констант. Но понимание происхождения полового диморфизма не снимает вопроса о том, как именно и насколько резко он проявляется в различных сферах жизнедеятельности. Хотя современная биология констатирует наличие очень глубоких половых различий на всех уровнях развития и функционирования организма, она возражает против деления всех человеческих свойств и качеств на мужские и женские по принципу «или-или».

Наряду с такими свойствами, которые действительно являются альтернативными, взаимоисключающими (один и тот же индивид не может в норме одновременно обладать и мужскими, и женскими гениталиями), существует множество свойств, более или менее одинаково присущих обоим полам, так что индивидуальные, внутриполовые различия перевешивают межполовые. Это касается и соматических (телесных) и поведенческих черт, причем их дифференциация сплошь и рядом не совпадает (например, «мужское» телосложение может сочетаться с «женственным» характером).

Существуют серьезные сомнения и относительно право-

мерности выведения всех или главных особенностей социального поведения мужчин и женщин из их роли в репродуктивном процессе. Из социологии и этнографии достоверно известно, что мужские и женские социальные роли распределяются в разных обществах не одинаково, а в зависимости от общественного строя, прежде всего – способа производства. Психология же показывает, что далеко не все психические свойства мужчин и женщин зависят от их половой принадлежности, и даже там, где такая детерминация существует, она опосредуется и существенно видоизменяется условиями среды, воспитания, родом деятельности и т. п. Если же выйти за пределы репродуктивной сферы, вариаций окажется еще больше.

Эволюционная теория пола В. А. Геодакяна

Интересную попытку создать эволюционную теорию пола, не замыкающуюся в рамках репродуктивной биологии, предпринял московский ученый В. А. Геодакян, взгляды которого очень популярны в России (см.: Геодакян, 1965, 1989). Согласно эволюционной теории пола, которую Геодакян развивает больше сорока лет, процесс самовоспроизводства любой биологической системы включает в себя две противоположные тенденции: наследственность – консервативный фактор, стремящийся сохранить неизменными у потомства все родительские признаки, и изменчивость, благода-

ря которой возникают новые признаки. Самки олицетворяют как бы постоянную «память», а самцы – оперативную, временную «память» вида. Поток информации от среды, связанный с изменением внешних условий, сначала воспринимают самцы, которые теснее связаны с условиями внешней среды. Лишь после отсеивания устойчивых сдвигов от временных, случайных генетическая информация попадает внутрь защищенного самцами устойчивого «инерционного ядра» популяции, представленного самками.

По Геодакяну, норма реакции женских особей, то есть их адаптивность (пластичность) в онтогенезе по всем признакам несколько шире, чем мужских. Один и тот же вредный фактор среды модифицирует фенотип самок, не затрагивая их генотипа, тогда как у самцов он разрушает не только фенотип, но и генотип. Например, при наступлении ледникового периода широкая норма реакции самок у далеких наших предков позволяла им «делать» гуще шерсть или толще подкожный жир и выжить. Узкая норма реакции самцов этого не позволяла, поэтому из них выживали и передавали свои гены потомкам только самые генотипически «лохматые» и «жирные». С появлением культуры (огня, шубы, жилища) наряду с ними выживали и добивались успеха у самок еще и «изобретатели» этой культуры. То есть культура (шуба) выполняет роль фенотипа (шерсти).

Вследствие разной нормы реакции, у женщин выше обучаемость, воспитуемость, конформность, а у мужчин – на-

ходчивость, сообразительность, изобретательность (поиск). Поэтому новые задачи, которые решаются впервые, но решить их можно кое-как (максимальные требования к новизне и минимальные – к совершенству), лучше решают мужчины, а знакомые задачи (минимум новизны, максимум совершенства) – женщины.

Теория Геодакяна привлекает логической стройностью и хорошо объясняет некоторые факты естественного полового отбора, например повышенную смертность самцов, принимающих на себя фронт внешних воздействий и в силу этого чаще становящихся жертвами неудачного «экспериментирования» природы. Но дедуцировать из нее заключения относительно конкретных половых/гендерных свойств и отношений методологически рискованно.

Прежде всего, половой диморфизм не совсем одинаково проявляется у разных видов, причем варьирует не только степень различий между самцами и самками, но в некоторых случаях и характер, направление этих различий. Особенно сильно варьирует разделение труда. Разные виды животных имеют разные социальные структуры, типы лидерства и т. д. У одних видов есть семейная структура, у других самцы и самки соединяются только на период спаривания, у одних есть отцовство, у других нет. Это не может не сказываться на их социальном поведении. Чем выше филогенетический уровень вида, тем сложнее у него детерминация половой принадлежности и тем многограннее ее связь

с другими аспектами развития. Более сложный онтогенез и более разнообразная, индивидуализированная деятельность неизбежно увеличивают число индивидуальных вариаций в психике и поведении, не укладывающихся в рамки дихотомии «мужское или женское».

У многих видов животных лидерами групп, что предполагает высокую степень самостоятельности, являются не самцы, а самки. Еще сложнее обстоит дело с творческими способностями. Доказано, что самки шимпанзе научаются решать сложные задачи так же легко, как самцы. Самки гориллы осваивают язык знаков так же хорошо, как самцы. Самки собак-проводников работают не хуже самцов. Самки дельфинов «разыгрывают» друг друга так же часто, как самцы. Самки попугаев способны подражать голосу и говорить не хуже самцов. Самки крыс и мышей ориентируются в лабиринте не хуже самцов. Наблюдения за шимпанзе в естественных условиях показывают, что нередко именно самки инициируют новые формы деятельности, а сородичи им подражают. Спрашивается: почему этого не могут женщины?

Психологически креативность – предмет чрезвычайно сложный. Согласно некоторым психологическим исследованиям, поведение самцов более индивидуально и вариабельно, чем поведение самок. Но можно ли интерпретировать эти различия как проявления креативности? Авторитетная международная энциклопедия по исследованию креативности однозначно говорит, что гендерные различия в этой об-

ласти не установлены (Baer, Kaufman, 2006. P. 44). Е. Н. Ильин считает, что такие различия есть, но цитируемые им современные отечественные работы не имеют необходимого подтверждения и научного статуса (это тезисы конференций, дипломные работы и т. п.), а иностранные работы безнадежно стары (Ильин, 2002. С. 126–127).

Кроме того, многие виды деятельности, существенные для понимания общественного разделения труда и развития способностей у человека (письмо, чтение, художественное творчество), у животных отсутствуют, а у человека появились лишь на определенном этапе развития. Вербальные и невербальные тесты, с помощью которых сравниваются способности мужчин и женщин, вообще не имеют животных аналогов. О каких биологических законах тут можно говорить?

Короче говоря, теория Геодакяна, при всей ее привлекательности, требует основательной проверки, тем более что на Западе, где теоретическая биология развита лучше, чем в России, эта теория профессионально не обсуждалась и практически неизвестна. Не исключено, что она кажется нам столь убедительной отчасти потому, что подкрепляет привычные стереотипы об имманентном мужском лидерстве.

Категория пола (sex), обозначающая системную совокупность биологических свойств, отличающих мужчину от женщины, также оказалась сложной. В XIX в. половая принадлежность (идентичность) индивида казалась монолитной и

однозначной. В XX в. выяснилось, что пол – сложная многоуровневая система, элементы которой формируются разновременно, на разных стадиях индивидуального развития, причем по мере развития науки количество известных нам элементов увеличивается. Первичное звено этого длинного процесса – *хромосомный (генетический) пол* (XX – самка, XY – самец) создается уже в момент оплодотворения и определяет будущую генетическую программу организма, в частности дифференцировку его половых желез (гонад) – *гонадный пол*. Первоначальные зародышевые гонады еще не дифференцированы по полу, но затем H – Y *антиген*, характерный только для мужских клеток и делающий их гистологически несовместимыми с иммунной системой женского организма, программирует превращение зачаточных гонад мужского плода в семенники; зачаточные гонады женского плода автоматически превращаются в яичники. После их формирования особые клетки мужской гонады начинают продуцировать *мужские половые гормоны* (андрогены). Под влиянием этих зародышевых андрогенов (*гормональный пол* зародыша) начинается формирование соответствующих, мужских или женских, внутренних репродуктивных органов (внутренний морфологический пол) и наружных гениталий (внешний морфологический пол, или генитальная внешность). Кроме того, от них зависит дифференцировка нервных путей, отделов головного мозга, регулирующих половые различия в поведении.

После рождения ребенка биологические факторы половой дифференцировки дополняются социальными. На основании *генитальной внешности* новорожденного определяется его *гражданский пол* (иначе он называется паспортным, акушерским или аскриптивным, то есть приписанным полом), в соответствии с которым ребенка воспитывают (*пол воспитания*). В период полового созревания по сигналу, поступающему из гипоталамуса и гипофиза, гонады начинают интенсивно вырабатывать соответствующие, мужские или женские, половые гормоны (*пубертатный гормональный пол*), под влиянием которых у подростка появляются вторичные половые признаки (*пубертатная морфология*) и эротические переживания (*пубертатный эротизм*). Эти новые обстоятельства накладываются на прошлый жизненный опыт ребенка и его образ «Я», в результате чего формируется окончательная *половая и сексуальная идентичность* взрослого человека. Таким образом, первоначально бипотенциальный зародыш становится самцом или самкой не автоматически, а в результате последовательного ряда дифференцировок. Каждому этапу половой дифференцировки соответствует определенный критический период, когда организм наиболее чувствителен, сензитивен, к данным воздействиям. Если критический период почему-либо «пропущен», последствия этого большей частью необратимы.

При этом действует сформулированный Джоном Мани «принцип Адама», или дополнительности маскулинной

дифференцировки: на всех критических стадиях развития, если организм не получает каких-то дополнительных сигналов или команд, половая дифференцировка автоматически идет по женскому типу, для создания самца на каждой стадии развития необходимо «добавить» нечто, подавляющее женское начало.

Короче говоря, люди не рождаются мужчинами или женщинами, а становятся ими, и в этом процессе важную роль играют социальные и культурные факторы. Вовлечение женщин в общественно-производственную деятельность и образование показало, что привычное, казавшееся универсальным «половое разделение труда» не является всеобщим. Мужчины и женщины могут одинаково успешно выполнять самую разную работу, а изменение характера деятельности неизбежно влияет на их психику и самосознание.

Сдвиги в повседневной жизни и общественном сознании повлекли за собой изменения и в языке науки (Jacklin, 1992). В первые два десятилетия XX в. немногочисленные исследования психологических особенностей мужчин и женщин обычно подводили под рубрику «психология пола» (psychology of sex), зачастую отождествляя пол с сексуальностью. В 1930—1960-е годы «психологию пола» сменила «психология половых различий» (sex differences), которые уже не сводили к сексуальности, но большей частью считали врожденными, данными природой. В конце 1970-х годов, по мере того как круг исследуемых психических явлений рас-

ширятся, а биологический детерминизм ослабевал, этот термин сменился более мягким – «различия, связанные с полом» (sex related differences), причем эти различия могут не иметь биологической подосновы.

Важный вклад в понимание этих проблем внесли общественные науки, прежде всего – социология и антропология. Сначала социальные аспекты взаимоотношений между мужчинами и женщинами описывались в таких понятиях, как «половая роль», «полоролевые ожидания», «половая идентичность». Эти термины ясно говорили, что речь идет не о природных, а о социальных отношениях и нормах. Но прилагательное «половой» несло за собой длинный шлейф нежелательных значений. Во-первых, оно, как и «пол», невольно ассоциируется с сексуальностью, хотя даже многие биологические процессы и отношения с нею, как и с репродукцией, не связаны. Во-вторых, эта терминология вольно или невольно предполагает, что социокультурные различия между мужчинами и женщинами только надстройка, форма проявления или оформления фундаментальных, базовых, универсальных различий, обусловленных половым диморфизмом.

На самом деле мужчины и женщины взаимодействуют друг с другом не в вакууме, а в конкретных социальных ролях, дифференциация которых в разных сферах деятельности, например на производстве и в семье, сплошь и рядом не совпадает. Даже если допустить, что женщина «по природе»

пассивна и нежна, это вовсе не значит, что она будет таковой в любых ролях и ситуациях. Нам постоянно твердят, что потребность в достижении, социальном успехе у женщин ниже, чем у мужчин, и что современные «деловые женщины» – явление совершенно новое, беспрецедентное, даже патологическое. Но может быть, дело не столько в стремлении к достижению вообще, сколько в соционормативных рамках, предопределяющих, к чему индивид может и должен стремиться и каким образом он может достигать поставленных целей?

Великосветские львицы бальзаковской эпохи были не менее энергичны, властолюбивы и жестоки, чем их мужья и любовники. Но в тех исторических условиях честолюбивая женщина могла сделать карьеру только опосредованно, подыскав себе соответствующего мужа или организовав своими, специфически женскими, средствами его социальное продвижение. Сегодня эти ограничения отпали. Женщина может сама, без посредства мужчины, добиться высокого социального статуса, и это существенно меняет мотивацию и характер взаимоотношений мужчин и женщин при тех же самых природных задатках.

Культурные стереотипы мужского и женского различаются не только по степени, но и по характеру фиксируемых свойств. Мужчин везде и всюду чаще описывают в терминах трудовой и общественной деятельности, а женщин – в семейно-родственных терминах, и эта избирательность предподре-

деляет направленность нашего внимания. Дело не столько в том, что мальчик объективно сильнее девочки (это верно далеко не всегда), сколько в том, что ось «сила – слабость», по которой постоянно оценивают мальчиков, значительно менее существенна в системе представлений о женственности, женщин чаще оценивают по их привлекательности или заботливости. Разговоры об «истинной мужественности» и «вечной женственности» только запутывают вопрос, навязывая нам единообразие, которого история никогда не знала.

Чтобы избавиться от ложных ассоциаций и преодолеть сведение социальных проблем к биологическим, в науку было введено понятие «гендер».

В английском языке слово *gender* обозначает грамматический род, который не имеет с полом ничего общего. В некоторых языках (например, в грузинском) грамматического рода нет вовсе. В других языках (например, в английском) эта категория применяется только к одушевленным существам. В третьих, как в русском, наряду с мужским и женским существует средний род. Грамматический род слова и пол обозначаемого им существа часто не совпадают. Немецкое *das Weib* (женщина) – среднего рода, во многих африканских языках слово «корова» – мужского рода и т. д.

Вопреки распространенному представлению, слово «гендер» заимствовали из грамматики и ввели в науки о поведении не американские феминистки, а выдающийся сексолог Джон Мани (1924–2006), которому при изучении гер-

мафродитизма и транссексуализма потребовалось разграничить общие, родовые, свойства мужчин и женщин (пол как фенотип) и более частные, сексуально-генитальные, эротические и прокреативные, явления (Money, 1955). Позже оно было подхвачено социологами и юристами, в результате чего его значение изменилось (см.: Бем, 2004; Гендер и язык, 2005; Кон, 2004б; Киммел, 2006). Впрочем, оно и по сей день остается многозначным (Ушакин, 2002; Зверева, 2002; Савкина, 2007; Smiler, 2004).

В психологии и сексологии «гендер» употребляется в широком смысле, подразумевая любые психические или поведенческие свойства, предположительно отличающие мужчин от женщин (раньше их называли половыми свойствами или различиями). В общественных науках и, особенно, в феминизме «гендер» приобрел более узкое значение, обозначая «социальный пол», то есть социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин, зависящие не от биологических половых различий, а от социальной организации общества. Гендер – это система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка. «Делать гендер означает создавать различия между мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами; различия, которые не являются естественными, сущностными или биологическими» (Уэст, Зиммер-

манн, 2000. С. 207).

По образному выражению американского антрополога Кэтрин Марч, пол относится к гендеру как свет к цвету. Пол и свет – естественные физические явления, допускающие объективное измерение. Гендер и цвет – исторические, культурно обусловленные категории, с помощью которых люди группируют определенные свойства, придавая им символическое значение. Хотя физиология восприятия цвета у людей более или менее одинакова, одни культуры и языки терминологически различают только два или три, а другие – несколько десятков и даже сотен цветов. Все это имеет свои социальные причины и следствия.

«Пол» и «гендер» чаще всего различают по принципу каузальной атрибуции, называя «гендерными» те характеристики, которые считаются социально детерминированными, а «половыми» – те, которые считаются заданными биологически (например, «гендерная стратификация», но «половой диморфизм»). Но строго «развести» эти ряды невозможно, поэтому существует и иное словоупотребление (Deaux, LaFrance, 1998; Ruble, Martin, Berenbaum, 2006). Сохраняются и дисциплинарные различия: если психологи, как правило, обсуждают гендерные свойства и особенности индивидов, конкретных мужчин и женщин, то социологи и антропологи говорят о гендерном порядке, гендерной стратификации общества, гендерном разделении труда, отношениях власти и т. д.

Хороший популярный и удобочитаемый очерк гендерной социологии – книга Майкла Киммела «Гендерное общество» (Киммел, 2006).

Появление категории гендера повлекло за собой дальнейшие уточнения психологической и медицинской терминологии. Важнейшие из этих новаций – понятия гендерной идентичности и гендерной роли.

Гендерная идентичность – это базовое, фундаментальное чувство своей принадлежности к определенному полу, осознание себя мужчиной, женщиной или существом какого-то другого, «промежуточного» или «третьего» пола. Гендерная идентичность не дается индивиду автоматически, при рождении, а вырабатывается в результате сложного взаимодействия его природных задатков и соответствующей социализации, «типизации» или «кодирования», причем активным участником этого процесса является сам субъект, который принимает или отвергает предлагаемые ему роли и модели поведения. Возможны даже случаи «перекодирования» или «переустановки» гендерной идентичности с мужской на женскую или наоборот (в просторечии это называется переменной или сменой пола). Состояние, когда индивид не может принять «данный» ему на основании его анатомического пола гендерный статус мужчины или женщины и испытывает острую неудовлетворенность им, называется расстройством гендерной идентичности (РГИ).

Первой естественной лабораторией для изучения законо-

мерностей формирования и изменения гендерной идентичности стала клиника транссексуализма. В массовом сознании нестабильность гендерных категорий обычно считается чем-то патологическим, не имеющим отношения к нормальной обыденной жизни, где границы мужского и женского кажутся твердыми и незыблемыми. Но о «съемности» гендерной идентичности говорят и этнографические данные: многие культуры не только признают существование людей «третьего пола», но и создают для них специальные социальные ниши – роли, статусы и идентичности. В древних обществах это противоречие проявлялось в игре и карнавальная культура, когда люди могли и даже были обязаны менять свои привычные гендерные роли и маски. Это частный случай признания индивидуальных различий, не укладывающихся в прокрустово ложе бинарных оппозиций.

Столь же подвижными оказались и *гендерные роли*, то есть нормативные предписания и ожидания, которые соответствующая культура предъявляет к «правильному» мужскому или женскому поведению и которые служат критерием оценки маскулинности/фемининности конкретного индивида. Хотя гендерные роли часто формулируются очень жестко, они, и тем более ориентированное на них поведение, не обязательно бывают однозначными. В них всегда присутствуют элементы игры, театрализованного представления. Взаимодействуя с другими людьми, индивид предъявляет им определенный имидж, «изображает» мужчину, жен-

щину или существо неопределенного пола, используя для этого одежду, жесты, манеру речи.

Кавалеры приглашают дам:

Там, где брошка, там перёд...

Дамы приглашают кавалеров:

Там, где галстук, там перёд...

Условный, игровой характер гендерного поведения подчеркивается такими научными терминами, как «гендерный дисплей», «делание гендера» и «гендерный перформанс».

Усложнение научных категорий как инструментов социальной саморефлексии отражает сдвиги в культуре и массовом сознании. Жизнь современного человека стала значительно более текучей и разнообразной, расширяя диапазон индивидуального выбора. Я могу чувствовать себя на работе одним, дома – другим, в дружеской компании – третьим, и каждая из этих моих идентичностей – подлинная. Это затрудняет однозначное определение «мужского» и «женского» и подсказывает определенные мировоззренческие выводы: если гендерное разделение труда и нормы мужского и женского поведения не универсальны, а исторически изменчивы, то к ним можно и нужно относиться критически, то есть их «деконструировать». Это распространяется и на содержание категорий маскулинности и фемининности.

3. Маскулинность и фемининность

*Боже, чего же им всем не хватало?
Словно с цепи сорвались!
Логос опущен. Но этого мало —
Вот уж за фаллос взялись!*

Тимур Кибиров

Прежде всего, нужны ли нам эти иностранные термины? Некоторым авторам кажется, что «маскулинность» и «фемининность» вполне можно заменить русскими словами «мужественность» и «женственность» (Ушакин, 2002). Однако русские слова «мужество» и «мужественность» обозначают не просто совокупность специфически «мужских» (не важно, реальных или воображаемых) качеств, но и морально-психологическое свойство, одинаково желательное для обоих полов.

Согласно словарю Даля (1999. Т. 2. С. 356–357), мужество не просто «состояние мужа, мужчины, мужеского рода или пола вообще», но и «стойкость в беде, борьбе, духовная крепость, доблесть; храбрость, отвага, спокойная смелость в бою и опасностях: терпенье и постоянство», в противоположность робости, нерешимости, упадку духа, унынию. Мужественный человек внешне «осанистый, видный, могучий, величавый, дюжий, ражий», а духовно – «доблестный,

стойкий, крепкий, храбрый, отважный, спокойно-решительный». «Мужествовать» – значит «стойко состязаться, подвизаться в борьбе (телесной или духовной), стоять доблестно». ²

В том, что от этих ассоциаций уйти невозможно, я убедился еще в 1970 г., когда написал для «Литературной газеты» большую статью «Мужественные женщины? Женственные мужчины?» (Кон, 1970). В те годы советская психология была абсолютно бесполой, моя популярная статья стала едва ли не первой попыткой привлечь внимание к сложной проблеме. Не желая «засорять» русский язык лишними иностранными словами, я воспользовался их русскими эквивалентами. Но как только статья вышла, я понял, что совершил ошибку. Выражение «мужественная женщина» звучит очень хорошо, а «женственный мужчина» – очень плохо. «Маскулинность» – не только «мужественность», но и «мужчинность», «мужеподобие», «мужиковатость», ни одна женщина такую характеристику за комплимент не примет, а уж

² Ассоциация маскулинности с мужественностью и воинственностью – явление культурно универсальное. Знак $_$, обозначающий в биологии мужской пол, одновременно является символом планеты Марс и древнеримского бога войны, а в алхимии – железа. Этот знак интерпретируют как сочетание копья и щита. Но это не обязательно закреплено в языке. Например, английское слово man (от протогерманского mannaz – человек, лицо) и его производные могут обозначать любых и даже всех представителей человеческого рода, независимо от их возраста или гендера, Это значение в английском языке – древнейшее. Ограничительное значение «взрослый мужчина» появилось в английском языке лишь около 1000 г., а слово, раньше обозначавшее мужской пол, wer, отмерло около 1300 г., хотя сохранились его пережитки, например werewolf.

«женственный мужчина» – прямое оскорбление.

Тот факт, что за описаниями мужского и женского часто скрываются предписания и стереотипы массового сознания, создает большие трудности в изучении индивидуальных различий. Мы должны всегда помнить, что:

1. Конкретные мужчины и женщины отличаются друг от друга по степени маскулинности и фемининности; одинаково здоровые и социально благополучные люди могут быть более или менее маскулинными, фемининными или андрогинными.

2. Все «мужские» и «женские» свойства многогранны и многомерны. В «народной психологии» множество разнообразных физических черт, биологических признаков, занятий, социальных ролей, интересов и черт личности объединяются в некое непротиворечивое единое целое, но на самом деле маскулинное телосложение вполне может сочетаться с фемининными интересами или чувствами, причем многое зависит от ситуации и сферы деятельности – женщина может быть нежной в постели и агрессивной в бизнесе.

3. Наши образы маскулинности и фемининности и измеряющие их психологические тесты основываются не на строгих аналитических теориях, а на житейском здравом смысле и повседневном опыте: мы называем какие-то черты или свойства мужскими просто потому, что в доступном нам эмпирическом материале их чаще или сильнее проявляли мужчины. Происходящие на наших глазах изменения в со-

циальном положении женщин и мужчин подорвали многие привычные стереотипы, побуждая рассматривать эти вариации уже не как патологические извращения (перверсии) или нежелательные отклонения (девиации) от подразумеваемой нормы, а как нормальные, естественные и даже необходимые.

4. За тем, что мы называем индивидуальными чертами, могут стоять как имманентно присущие данному индивиду, интраиндивидуальные, свойства, так и межличностные, интериндивидуальные, отношения. Новейшая психологическая литература не случайно старается «развести» понятия объективно существующих различий (difference) и проводимых людьми различений (distinction).

5. Индивидуальные свойства, стереотипы массового сознания и социальные нормы, как и наши субъективные представления о реальном, желательном и должном, не совпадают и совпадать не могут. Существуют не только разные каноны маскулинности, но и разные парадигмы ее изучения, которые кажутся взаимоисключающими, а фактически дополняют друг друга.

Пониманию индивидуальной вариабельности и исторической изменчивости мужских и женских черт препятствует социально-психологический феномен, который известный американский психолог Сандра Бем (Бем, 2004) назвала гендерными линзами:

А) Линза андроцентризма, склонность воспринимать

мужской опыт и поведение в качестве универсальной и нейтральной нормы, по отношению к которой женщина выступает как некое отклонение или вариация (типа: мужчина – это человек, а женщина – лучший друг человека).

Б) Линза гендерной поляризации, восприятие всего мужского и женского как универсально разных и полярных начал.

В) Линза биологического эссенциализма, которая логически обосновывает и узаконивает остальные линзы, представляя их естественными и неустранимыми последствиями полового диморфизма.

Как же преодолевает эти трудности научная психология?

Что измеряют тесты М и Ф? Материал к размышлению

В XIX в. мужские и женские черты считались строго дихотомическими, взаимоисключающими, а всякое отступление от норматива воспринималось как патология или шаг по направлению к ней (ученая женщина – «синий чулок»). Затем жесткий нормативизм уступил место идее континуума маскулинно-фемининных свойств. На этой основе в 1930—1960-х годах психологи сконструировали несколько специальных шкал для измерения маскулинности/фемининности умственных способностей, эмоций, интересов и т. д.: тест Термана – Майлз (1936); шкала М—Ф Миннесотского лич-

ностного теста – ММРІ (1951); шкала маскулинности Гилфорда и др. Все эти шкалы предполагали, что в пределах некоторой нормы индивиды могут различаться по степени М—Ф, но сами свойства М—Ф представлялись альтернативными, взаимоисключающими: высокая М должна коррелировать с низкой Ф, и наоборот, причем для мужчины нормативна, желательна высокая М, а для женщины – Ф.

Характерными признаками маскулинности, по тесту Термана – Майлз, были властность, напористость, активность, физическая сила, уверенность в себе, склонность к технике, спорту, работе на себя и участию во внешней/публичной жизни, а также неприязнь к иностранцам, религиозным мужчинам, умным и худым женщинам, танцам, играм, связанным с разгадыванием загадок, и к одиночеству.

Постепенно выяснилось, что далеко не все психические свойства поляризуются на «мужские» и «женские», а разные шкалы (интеллекта, эмоций, интересов и т. д.) в принципе не совпадают друг с другом: индивид, высоко маскулинный по одним показателям, например когнитивным, может быть весьма фемининным по другим, например эмоциональным.

Более совершенные тесты 1970-х годов (Сандры Бем, Джанет Тейлор Спенс и Роберта Хелмрайха) рассматривали М и Ф уже не как полюсы одного и того же континуума, а как независимые, автономные измерения. Вместо простой дихотомии «маскулинных» и «фемининных» индивидов появились четыре психологических типа мужчин: маскулинные

(имеют высокие показатели по М и низкие по Ф); фемининные (высокая Ф и низкая М); андрогинные (высокие показатели по обеим шкалам) и психологически не дифференцированные (низкие показатели по обеим шкалам) – и такие же четыре типа женщин. Сравнение этих типов (Whiteley, 1985) показало, что соответствие гендерному стереотипу (высокая М для мужчин и высокая Ф для женщин) отнюдь не всегда гарантирует индивиду социальное и психическое благополучие, причем значение этих параметров может с возрастом изменяться. Например, маскулинные мальчишки-подростки были более уверенными в себе и занимали более высокое положение среди ровесников, но после 30 лет, став мужчинами, они оказались более нервными, неуверенными в себе и менее способными к лидерству. Выяснилось также, что шкалы М и Ф неоднозначны: их измерения соотносятся, с одной стороны, с индивидуальными свойствами, а с другой – с социальными предписаниями. Между тем это совершенно разные явления.

Кроме того, современная психометрика и психодиагностика не сводятся к поискам корреляций между отдельными психическими свойствами, а пытаются рассмотреть их в рамках некоей теории личности. Одним из главных претендентов на роль такой обобщающей теории или парадигмы стала так называемая *Большая Пятерка*, состоящая из пяти автономных шкал, каждая из которых измеряет нескольких полярных качеств:

1. *Интроверсия – Экстраверсия* (молчаливый – разговорчивый, ненапористый – напористый, не любящий приключения – любящий приключения, неэнергичный – энергичный, робкий – дерзкий).

2. *Антагонизм – Доброжелательность* (недобрый – добрый, несклонный к сотрудничеству – склонный к сотрудничеству, эгоист – альтруист, недоверчивый – доверчивый, скупой – щедрый).

3. *Несобранность – Сознательность* (неорганизованный – организованный, безответственный – ответственный, непрактичный – практичный, небрежный – аккуратный, ленивый – усердный).

4. *Эмоциональная стабильность – Невротизм* (расслабленный – напряженный, принимающий все легко – тревожный, стабильный – нестабильный, довольный – недовольный, неэмоциональный – эмоциональный).

5. *Закрытость – Открытость новому опыту* (слабо развитое воображение – богатое воображение, нетворческий – творческий, нелюбопытный – любопытный, несклонный к размышлению (нерефлексивный) – склонный к размышлению (рефлексивный), наивный – искушенный).

Общая схема этой теории приведена в таблице.

Факторы черт личности, образующие Большую Пятерку, и примеры входящих в них шкал

Свойства лиц, получивших высокие оценки по данному фактору	Описания черт, входящих в фактор	Свойства лиц, имеющих низкие оценки по данному фактору
--	----------------------------------	--

Невротизм (К)

Беспокойный, нервный, эмоциональный, неуверенный, неадекватный, ипохондрический	Измеряет степени приспособленности и эмоциональной устойчивости. Идентифицирует индивидов, подверженных неприятным переживаниям (дистрессам), склонных к чрезмерным страстям и порывам, нереалистичным идеям и неадекватным реакциям на действительность	Спокойный, расслабленный, неэмоциональный, выносливый, уверенный, довольный собой
---	--	---

Экстраверсия (Е)

Общительный, активный, разговорчивый, ориентированный на людей, оптимистичный, любящий повеселиться, ласковый	Измеряет широту и интенсивность межличностных взаимодействий; уровень активности; потребность во внешней стимуляции; способность радоваться жизни	Сдержанный, трезвомыслящий, нежизнерадостный, отчужденный, ориентированный на дело, тихий, незаметный в компании
---	---	--

Открытость новому опыту (О)

Любопытный, с широкими интересами, творческий, оригинальный, нетрадиционный, с богатым воображением	Измеряет активный поиск нового опыта и признание его самостоятельной ценности; терпимость к чужому, непривычному и исследовательский интерес к нему	Связанный условностями, приземленный, с ограниченными интересами, не обладающий ни художественным, ни аналитическим складом ума
---	---	---

Доброжелательность (А)

Мягкосердечный, доброжелательный, доверчивый, услужливый, великодушный, легковерный, прямой	Измеряет отношение индивида к другим людям в мыслях, чувствах и действиях, от сочувствия до враждебности	Циничный, грубый, подозрительный, некооперативный, мстительный, безжалостный, раздражительный, манипулирующий другими
---	--	---

Сознательность (С)

Организованный, надежный, усердный, самодисциплинированный, пунктуальный	Измеряет степень организованности, настойчивости и мотивированности индивида в целенаправленном поведении. Противопоста-	Нецелестремленный, ненадежный, ленивый, беспечный, небрежный, нерадивый, разбродный
--	--	---

Источник: Costa, McCrae, 1985.

Как эти черты связаны с М и Ф? Обыденному сознанию мужчины кажутся более экстравертированными и открытыми опыту, но менее доброжелательными и невротичными, чем женщины, однако психометрические данные этого не подтверждают. Зафиксированные в Большой Пятерке личностные черты не укладываются в оппозицию М—Ф.

Наиболее интересные новейшие исследования маскулинности и фемининности сосредочены на трех относительно независимых индивидуальных свойствах: инструментальности, экспрессивности и гендерно-специфических интересах (Lippa, 2001, 2005a).

Оппозиция мужских и женских ролей как инструментальных и экспрессивных впервые получила солидное теоретическое обоснование в книге американских социологов Толкотта Парсонса и Роберта Бейлза (Parsons, Bales, 1955). Хотя речь в этой книге шла преимущественно о *семейных ролях* и функциях *отцовства* и *материнства*, эта оппозиция скоро была распространена и на индивидуальные, личностные свойства: мужская инструментальность (ориентация на вещи, господство, субъектность) в противоположность женской экспрессивности (ориентация на людей, забота, общение).

Принято считать, и эмпирические исследования подтверждают это мнение, что сегодня, как и раньше, 1) мужчи-

ны превосходят женщин по инструментальности, 2) женщины превосходят мужчин по экспрессивности и 3) мужчины и женщины предпочитают разные хобби, профессии и деятельности.

Но как и насколько жестко эти признаки связаны друг с другом? Оценивая степень маскулинности/фемининности какого-то субъекта, человек с улицы спрашивает себя: а) обладает ли данный индивид преимущественно инструментальными или преимущественно экспрессивными чертами? и б) имеет ли он соответствующие гендерно-специфические интересы? Однако соотношение конкретных критериев может быть неодинаковым. Например, среди признаков, по которым испытуемые канадцы определяли маскулинность и фемининность, были и свойства внешности, и личностные черты, включая инструментальность и экспрессивность, и биологические черты, и сексуальные особенности, и специфические социальные роли. В другом исследовании выяснилось, что в число критериев маскулинности входят и определенные социальные роли (например, «отец»), и профессии («водитель грузовика»), и телосложение («мускулистый»), и сексуальность, и личностные черты (инструментальность). Но за всем этим стоит общий стереотип.

В отличие от методологически искушенных психологов, обыденное сознание склонно рассматривать маскулинность и фемининность как противоположности и легко делает неправомерные обобщения, воспринимая наличие у инди-

вида черт, противоречащих гендерному стереотипу, отрицательно. Например, маскулинные (по направленности своих интересов) женщины априорно считаются агрессивными, пьющими, безобразными, толстыми и незаботливыми, а фемининные мужчины – худыми, неуверенными в себе, застенчивыми, деликатными и слабыми, причем наличие маскулинных черт у женщин оценивается даже более негативно, чем наличие фемининных черт у мужчин. Впечатления, основанные на частных признаках, легко экстраполируются на другие свойства личности.

Например, в серии экспериментов Ричарда Липпы, когда испытуемые должны были оценить степень маскулинности мужчин по их фотографиям, мужчин, которых признали более маскулинными, сочли также более спортивными, соревновательными, грубыми и вульгарными, но менее теплыми, старательными, совестливыми и заботливыми.

Чтобы выяснить, какие именно факторы – экспрессивность/инструментальность или гендерно-специфическая направленность профессиональных интересов – служат более надежными предикторами (показателями) оценки маскулинности/фемининности самого испытуемого, его ближайших друзей и воображаемых мужчин и женщин, Липпа провел следующий эксперимент. Испытуемые (170 мужчин и 205 женщин, в основном студенты, средний возраст 19 лет) оценивали степень своего интереса к 22 разным хобби, из которых 11 считались преимущественно мужскими (ком-

пьютеры, рыболовство, посещение выставок машин, домашняя электроника, баскетбол, видеоигры, спортивные зрелища на ТВ и т. д.), а 11 – женскими (аэробика, покупка одежды, стряпня, танцы и т. п.). Кроме того, были получены самоописания испытуемых по 26 чертам, из которых 11 были инструментальными (типа «я напорист» и «я независим»), а 11 – экспрессивными («я сочувствую другим», «я понимаю других»). Сравнение этих двух систем самоописаний показало, что информация о гендерно-типичных хобби позволяет предсказать оценку испытуемыми своей маскулинности/фемининности точнее, нежели информация об их инструментальности/экспрессивности. То же самое наблюдалось при описании испытуемыми их близких друзей и воображаемых мужчин и женщин (Lipra, 2005в).

Иными словами, при оценке своей и чужой маскулинности/фемининности, испытуемые больше ориентировались на информацию о хобби и интересах, а при оценке экстраверсии, привлекательности и приспособленности – на информацию об инструментальности и экспрессивности. Таким образом, имплицитные (несформулированные, молчаливо подразумеваемые) теории личности испытуемых совпали с результатами психологических исследований, согласно которым инструментальность и экспрессивность теснее связаны с факторами Большой Пятерки, чем с М—Ф (Lipra, 2005а).

Почему это теоретически важно? Потому что все факто-

ры Большой Пятерки имеют существенную генетическую составляющую, тогда как интересы и хобби зависят прежде всего от того, какие занятия общество считает более подходящими для мужчин и женщин.

4. Гендерный порядок как история

До сих пор я обсуждал главным образом понятийный аппарат, термины, в которых наука и обыденное сознание описывают и осмысливают психические свойства и социальное положение мужчин. Эти слова и представления тесно связаны с историческим развитием гендерных отношений. Хотя гендерный порядок, то есть «исторически конструируемый образец властных отношений между мужчинами и женщинами и определений фемининности и маскулинности» (Connell, 1987. P. 98–99), никогда не был таким однозначным и монолитным, коим он порою кажется, его главные принципы и элементы очень устойчивы. Историко-антропологические данные по этим вопросам группируются вокруг трех автономных, но взаимосвязанных сюжетов: 1) гендерное разделение труда, 2) отношения власти и 3) гендерная сегрегация.

Разделение труда и властные отношения. Историко-антропологическая интерлюдия

Гендерное разделение труда, то есть специфические для мужчин и женщин виды деятельности, социальные роли и функции, которым соответствовали соционормативные образы маскулинности и фемининности, существовало в лю-

бом древнем обществе и представлялось вечным, естественным и нерушимым.

По словам древнегреческого историка Ксенофонта, «природу обоих полов с самого рождения... бог приспособил: природу женщины для домашних трудов и забот, а природу мужчины – для внешних. Тело и душу мужчины он устроил так, что он более способен переносить холод и жар, путешествия и военные походы; поэтому он назначил ему труды вне дома. А тело женщины бог создал менее способным к этому и потому, мне кажется, назначил ей домашние заботы». Это подкрепляется ссылкой на обычай, что «женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах» (Ксенофонт. Домострой. VII. 22–23, 30–31).

В рассуждениях Ксенофонта представлена трехступенчатая схема:

- 1) божественный замысел устанавливает четкое гендерное разделение труда;
- 2) ему соответствует разная телесная и душевная организация мужчин и женщин;
- 3) общественные нормы и правила морали освящают и закрепляют предустановленный порядок, придавая ему постоянство и легитимность.

Представление об универсальности и «естественной дополнительности» полов господствовало в социологии вплоть до середины 60-х годов XX в. Согласно теории Парсонса и

Бейлза, дифференциация мужских и женских ролей в семье и общественно-производственной жизни основана на естественной взаимодополнительности полов. Мужские роли и мужской стиль жизни являются преимущественно «инструментальными», а женские – «экспрессивными». Мужчина бывает кормильцем, «добытчиком», а в семье осуществляет общее руководство и несет главную ответственность за дисциплинирование детей, тогда как более эмоциональная по своей природе женщина поддерживает групповую солидарность и обеспечивает необходимое детям эмоциональное тепло. Радикальное изменение этой структуры невозможно. Как бы ни вовлекалась современная женщина в общественно-трудовую жизнь, женская роль «продолжает корениться прежде всего во внутренних делах семьи, где женщина выступает как жена, мать и хозяйка дома, тогда как роль взрослого мужчины коренится прежде всего в профессиональном мире, в его работе, которая обуславливает и его функции в семье – обеспечение ей соответствующего статуса и средств к существованию. Даже если, что вполне возможно, средняя замужняя женщина начнет работать, в высшей степени маловероятно, чтобы это относительное равновесие было нарушено, чтобы мужчина и женщина поменялись ролями или чтобы качественная дифференциация ролей в этих отношениях полностью изгладилась» (Parsons, Bales, 1955. С. 14–15).

Эта теория подтверждалась не только материалами иссле-

дований современной семьи. Этнографические данные тоже свидетельствовали о том, что такой тип ролевой дифференциации распространен в обществах разного типа. Проанализировав под этим углом зрения этнографические описания 56 обществ, М. Зелдич выяснил, что материнская роль была экспрессивной в 48 из них, инструментальной – в 3 и смешанной – в 5. Отцовская роль оказалась инструментальной в 35, экспрессивной – в одном и смешанной – в 19 обществах (Там же. С. 348–349).

Подтверждали эту теорию и данные дифференциальной психологии, согласно которым женщины субъективнее и чувствительнее к человеческим взаимоотношениям и их мотивам, тогда как мужчины больше тяготеют к предметной деятельности, связанной с преодолением физических трудностей или с развитием абстрактных идей. Наконец, антропологи указывали, что особое положение женщины в семье обусловлено ее материнскими функциями, которые детерминированы биологически и от социальных условий не зависят.

Тем не менее в разных человеческих обществах нормы гендерного разделения труда не совсем одинаковы. Геродот с удивлением писал: «Подобно тому, как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте... так и нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов. Так, например, у них женщины ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут» (Ге-

родот. История. II. 35).

Существенное отличие человека от остальных приматов состоит в том, что половое разделение труда распространяется у него не только на уход за детьми и защиту от врагов (первая функция у всех приматов является главным образом женской, а вторая – преимущественно мужской), но также на добывание и приготовление пищи и других средств существования. Как показывают кросскультурные исследования, здесь есть некоторые универсальные моменты (Ember, 1981). Например, охота и ловля крупных водных животных – занятия почти исключительно мужские. Мужской работой в большинстве обществ считается также выпас крупного скота, рыболовство, сбор меда, очистка земли и подготовка почвы для посева. Исключительно женской производственной деятельности не обнаружено, но женщины преобладают в собирании дикой растительной пищи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.